
КАТЕРИНА
ЯНВАРСКАЯ
ХРАНЯ
ТВОЮ
ТЕНЬ
Идеальная
геометрия боли
18+

Катерина Январская

Храня твою тень

https://litres.ru/74663503
SelfPub; 2026

Аннотация

Эрика и M.J. — две сломанные тени, столкнувшиеся в неоне ночного Города. Она учится быть видимой, он —чувствовать сквозь бетон.

Но их связь — это столкновение двух больных систем: её хаоса и его ледяного порядка.

Смогут ли два человека, собранных из осколков, быть вместе ? Или их тени просто поглотят друг друга?

Мрачная, чувственная история о том, как два изувеченных человека пытаются собрать друг друга по частям, путая спасение с клеткой, а любовь — с абсолютной властью.

Содержание

Глава 1. Город 6
Глава 2 9
Глава 3. Из темноты 12
Глава 4. Мистер Джей 20
Глава 5 25
Глава 6. Собеседование 30
Глава 7 37
Глава 8. Архив: Джей. Становление 50
Глава 9. Эрика. Пробуждение 63
Глава 10 69
Глава 11. На краю 73
Глава 12 90
Конец ознакомительного фрагмента. 92

Храня твою тень

Музыка, которая сопровождала автора в процессе создания книги

- Parasite Eve – Bring Me The Horizon
- Change (In the House of Flies) – Deftones
- Human – Sevdaliza
- Angel – Massive Attack
- Bathroom – Montell Fish
- Often – The Weeknd
- Forever Yours – The Villain Music
- Why'd You Only Call Me When You're High? – Arctic Monkeys
- Do I Wanna Know? – Arctic Monkeys
- The Death Of Peace Of Mind – Bad Omens
- God Is A Weapon (ft. Marilyn Manson) – Falling in Reverse
- Choke Me – Alexandra Căpităнescu
- Swim – Chase Atlantic
- Neverdie – Xolidayboy
- Pyrokinesis – Цветами радуги
- Pyrokinesis, МУККА – Днями-ночами

ВНИМАНИЕ: 18+

Художественный вымысел. Совпадения случайны.

Содержит: БДСМ и откровенный контент, сцены криминального насилия (расправы, угрозы оружием, ранения), токсичные отношения, психологическое напряжение, опасное вождение, нарушение ПДД, упоминания алкоголя и курения, суицидальное поведение.

Не рекомендуется лицам младше 18 лет и всем, для кого эти темы – триггеры.

Глава 1. Город

Сохрани мою тень. Не могу объяснить. Извини.
Это нужно теперь. Сохрани мою тень, сохрани.
Иосиф Бродский, «Письмо к стене»,1964

Ночной Город проплывал за окном такси. Эрика прислонилась лбом к стеклу – оно было холодным, чуть влажным от конденсата, и это было единственное, что её держало. Самолёт оторвался от взлётной полосы четыре часа назад, и липкий страх неизвестности всё ещё сидел под рёбрами. Не страх высоты – страх того, что ждёт внизу. И назад дороги уже не было.

Март оттаивал за окном. Мокрые тротуары блестели в свете фонарей, отражали красное и белое – стоп-сигналы, вывески, фары встречных машин. Воздух за стеклом пах снегом, грязью и чем-то чужим – не домом. Она приоткрыла окно на пару сантиметров. Ветер ударил в лицо – сырой, резкий, живой. Лёгкие наполнились, и страх чуть отступил. Она здесь. Не в мечтах, не в бесконечных сценариях, которые годами прокручивала в голове. Здесь.

Первые две недели прошли, словно в промежутке между прошлым и будущим. Квартира Алисы – небольшая, с высо-

кими потолками и окнами во двор. Не тот город, что с открыток, а настоящий: облупившаяся штукатурка, старые лифты с гудящими кабелями, узкие улочки, голоса за стенами.

Эрике нравилось.

Её всегда тянуло туда, куда другие предпочли бы не заглядывать.

Здесь ощущалась свобода, которую она за все свои двадцать два года так и не смогла себе позволить.

Проспекты, набережные, реки, мосты – всё будто ждало её. Она выходила из квартиры и шла, просто шла, без маршрута, пока ноги не начинали гудеть. Впервые вдыхала полной грудью.

Привыкшая к скучной жизни в маленьком городе, Эрика будто сама стала «маленькой» – сжатой со всех сторон невидимыми стенами, и только танцы помогали не замкнуться окончательно. Танцы, на которые она сама зарабатывала, и с помощью которых стала зарабатывать в клубах позже.

С работой в Городе не клеилось. В хорошие заведения не брали – нет нормальных костюмов, нет связей, нет опыта. Дешёвые клубы с плохим контингентом платили мало. Эрика хотела поскорее съехать от Алисы – привыкла быть одна, близких друзей не имела. С детства странная, закрытая, задумчивая. Клубные танцы Go-Go были ей по душе, но по

дороге домой после смены неизменно накатывала знакомая, родная с детства грусть.

Она была рядом всю жизнь и никогда её не покидала.

В отличие от людей.

Глава 2

– Ты превращаешься в тень, – сказала Алиска однажды, – Ты живёшь так, будто тебе нельзя радоваться, пока не встанешь на ноги.

– Потому что, мне нельзя, – тихо ответила Эрика. – Пока не встану на ноги, каждое удовольствие это – долг.

– Тогда, пусть это будет не удовольствие, а тренировка. Завтра ты пойдешь со мной в клуб, посмотришь на людей. На то, как всё устроено с другой стороны. Если совсем не понравится – уйдём сразу, обещаю.

Эрика молчала. Внутри боролись две мысли*: мне нужно копить* и *мне нужно дышать.* И вторая победила.

– Хорошо. Я пойду. Завтра.

Алиса кивнула и вышла из комнаты. Эрика осталась одна. Она погасила свет, разделась в темноте. Легла. Потолок – белый квадрат, едва различимый в свете фонарей за окном. Пульс стучал в висках. Закрыла глаза. И провалилась.

Третий класс. Она шла по заснеженной улице, волоча

рюкзак. Все спешили домой. Она – нет. С каждый шагом тяжелее. С каждый шагом ближе. Что дома – нельзя было знать заранее. Иногда тихо. Иногда крик. Иногда кто-то бил кого-то. И воздух был тяжёлый, кислый, и дышать не хотелось.

На кухне – два стакана и бутылка. Мать стояла, держась за стену. Отец сидел за столом. И не видел её. Она научилась быть невидимой. Так легче. Тебя не тронут, если тебя нет.

Шкаф со старой одеждой. Там было тихо и темно. Там не было запаха. За дверью кричат. Два голоса, рваные, переплетённые. Но тишина за дверью казалась ещё страшнее. Когда в животе начинало болеть от голода, Эрика выходила. Мать лежала в спальне, лицом вниз. *Дышит?* Эрика прислушивалась. Дышит. Облегчение, как тяжёлый рюкзак с плеч. Накрывала мать пледом. Ей было девять.

Потом – ей тринадцать. Громкий звук с кухни – мать упала. Отец рядом, плачет. Это было страшнее всего. Потому что, если плачет самый сильный – значит, всё. Ноги мёрзнут на холодном полу. Она молчала.

Эрика вернулась в комнату, забилась в шкаф.

Утром на кухне мать варила кашу, отец курил у окна. Ни слова. Ничего не было.

Потом – ей шестнадцать. Танцы. Музыка – и тело отпусти-

ло, хоть сначала сопротивлялось. Тогда Эрика поняла: можно исчезнуть через движение. Ни в шкаф, ни в темноту. В ритм. Где дом не слышен.

Она танцевала перед зеркалом. Одна, в пустом зале.

Сон кончился, как будто нить оборвалась. Эрика открыла глаза. За окном светало. Пульс стучал в висках. Шкафа нет. Ледяного пола нет. Март. Алискина квартира. Она не там.

Она лежала, не двигаясь, пока тело не вспомнило, где оно. Села на край кровати. Пригладила рукой чёрные длинные волосы. Босые ноги опустила на тёплый пол. *Тёплый*.

Пора умываться.

Глава 3. Из темноты

Клуб жил не музыкой – телами. Толпа у барной стойки пульсировала, как единый организм: локти, бокалы, лица, чей-то смех, обрывки чужих разговоров. Эрика пробиралась за Алисой, придерживая её под руку, и чувствовала каждой клеткой кожи, как чужое тепло давит со всех сторон. Она умела работать в клубах – но сверху, «в стакане», на платформе. Там ты отделена. Здесь – нет. Здесь ты мясо среди мяса.

– Это тебе не наш городок, где удивить нечем, – Алиса прокричала это ещё в гардеробе, стягивая куртку.

С порога Эрика поняла, что она имела в виду. Повсюду неон. Карикатуры на стенах, кислотный свет, звук такой плотности, что вибрировал в рёбрах. Один из самых дорогих клубов Города. Целый комплекс – кафе, бар, танцпол, VIP-зоны за плотными балдахинами.

Эрика профессиональным взглядом нашла танцовщиц. Две фигуры в блестящих костюмах отрабатывали выход на платформе. Она смотрела пару минут.

– Танцуют так себе, – крикнула она Алисе в ухо.

– Блин, расслабься. Ты сюда не на работу пришла.

Алиса тащила её к барной стойке, уверенно пробираясь сквозь толпу. Кокетливо помахала бармену. Эрика стояла у стойки и наблюдала за всем, что происходит вокруг.

Вечер шёл скучно. Алиса вытаскивала её на танцпол раз за разом, но среди прыгающей толпы двигаться было невозможно – только толкаться. Эрика возвращалась к стойке, пила и смотрела по сторонам. Людей много, но лиц не разобрать. Волосы, платья, фигуры – всё слилось в единую массу.

– Здравствуйте, девушки. Как вечер?

Эрика обернулась. Мужчина в чёрном костюме. Стрижка короткая, лицо гладкое, взгляд изучающий.

*Охран*а – решила она. *Стоим, никого не трогаем, вроде.*

– Я к вам, – мужчина смотрел на Эрику. Алиса выпучила глаза и отставила бокал.

– Чем могу помочь? – Эрика наклонилась к нему из-за музыки, стараясь держать дистанцию.

– Мой босс просил провести вас в VIP-зону.

Эрика машинально подняла глаза наверх, где за плотными балдахинами скрывались приватные места.

– Зачем?

– Никуда она не идёт. До свидания, – Алиса включилась мгновенно, в голосе – раздражение.

– О, ещё одна милая дама. Да не переживайте вы так – он хочет только побеседовать. Займёт совсем немного вашего времени. Кстати, коктейли за счёт заведения. – Он подмигнул бармену, тот кивнул. – Сейчас провожу вашу подругу и вернусь к вам. Поверьте, отказывать ему не желательно.

По спине пробежал холодок. Не страх. Как будто что-то сдвинулось. Эрика посмотрела на Алису, потом снова на мужчину.

– Я поднимусь. Но ненадолго.

– Эрика! – Алиса топнула ногой.

– Что пьёт дама? Организуй парочку коктейлей, – бросил мужчина бармену и жестом пригласил Эрику следовать за ним.

Поднявшись наверх, она всё время оборачивалась на подругу, которая зло крутила пальцем у виска.

Ну не убьют же меня, в самом-то деле.

Внутри потряхивало, но Эрика натянула на лицо невоз-

мутимое выражение.

Веди себя спокойно. Ты не преступница, боже.

– Прошу, – мужчина указал на приватную зону. – Босс, хорошего вечера.

Он удалился, заметно расслабившись.

Эрика отодвинула тёмный балдахин.
И застыла.

Мужчина на диване даже не сразу посмотрел на неё. Первое, что бросилось в глаза – его руки. Он держал бокал так спокойно, будто весь этот хаос внизу существовал где-то в другом мире. Ворот светлой рубашки расстёгнут, рукава закатаны до локтей. Тёмные хаотичные татуировки покрывали руки от кистей и выше, уходя под ткань, к шее. На пальцах – кольца. В бокале – один лёд. Он лениво наклонял его, наблюдая, как остатки жидкости перекатываются по кубикам.

– Добрый вечер. – Он впервые поднял на неё взгляд.

– Здравствуйте. А что, собственно, произошло? Зачем ваш человек меня сюда привёл? – Эрика держала ровный голос, хотя внутри дрожала сильнее, чем по дороге сюда.

Мужчина молчал. Постучал по дивану рядом с собой.

– Прошу.

Эрика осторожно присела на край. Он занимал слишком много пространства, расставив широко ноги, даже не подвинулся, и она сжалась на краешке дивана.

– И зачем вы меня позвали?

– Хотел посмотреть поближе. – Он заглянул в её лицо, почти нагло, чуть выпрямившись. Эрика уловила приятный шлейф парфюма – ром, шоколад, какие-то специи.

– Посмотрели? Я тогда пойду. У меня подруга беспокоится.

– Я так не думаю. – Он кивнул туда, где танцевали люди этажом ниже.

Эрика посмотрела и увидела Алису, которая увлечённо пританцовывала с тем самым мужиком в чёрном костюме, одновременно пытаясь что-то прокричать ему в ухо.

– Вот же... – Эрика отвернулась и встретилась с ним взглядом.

Мелкие тату на лице. Стрижка – удлинённый, чуть «неправильный» андеркат. Тёмно-зелёные волосы – как

стекло на дне бутылки. В тени – чёрные, на свету – зелёные.

Ходячий эпатаж, надо же.

Она поймала себя на том, что пялится неприлично долго.

– Впервые тут? – Он откинулся на спинку.
– Это так заметно?
– Долго наблюдал. Тебе не нравится клуб.

Эрика смутилась. Но врать не стала.

– Не особо. Подруга пригласила. Тут слишком... пафосно. И танцовщицы чуть живые.
– Танцовщицы? – Мужчину явно забавляла эта беседа. – С ними что не так?
– Я сама танцую. Могу оценить.

Он помолчал. Подвинул ей второй бокал. В голове сработала сигнализация: *ничего не пить из чужих рук в клубе, никогда!*

– Нет, спасибо. Я не пью чужие напитки.
– Разумно.

Где там Алиса? А если она уехала с этим его...

– Как тебя зовут?

– Эрика.

– Эрика... – Он повторил её имя, будто взвешивая. Не торопясь.

– Значит, тебе не нравится мой клуб.

– Ваш клуб? Получается, не нравится.

Ты просто копаешь себе яму собственными руками.

– Может быть, тогда поедем в другое место?

– Что? Нет. У меня другие планы. Мы с вами совсем не знакомы. Я пойду, хорошо? – Эрика осторожно встала, машинально поправляя платье.

– А если я предложу тебе работать у меня? Тебе не понравились танцовщицы. Хочу посмотреть, насколько ты объективна.

Эрика замерла. Работа ей была нужна. Очень. Сколько придётся топтать дешёвые подвалы, чтоб снять жильё? А тут – «Императив». Один из лучших клубов города.

– То есть – Go-Go?

– То есть – да. – Он протянул руку ладонью вверх. – Дай телефон.

Эрика помедлила. Положила телефон ему в руку. Он набрал несколько цифр, сделал вызов. Потом вернул.

– О собеседовании сообщат. Запиши – Мистер Джей.

Эрика уставилась на него. Этот вечер не переставал удивлять. Она коротко кивнула, сказала «до свидания» и поспешила вниз, искать Алису, искренне надеясь, что та её не бросила.

Только внизу она выдохнула, наконец. И уже по-другому оглядела толпу, барную стойку, неон, платформы.

Она может работать здесь. У неё может получиться.

Мистер Джей проводил её взглядом, пока чёрное платье не растворилось среди людей.

Ещё несколько секунд смотрел туда, где она исчезла.

Потом медленно повернулся к бокалу.

Глава 4. Мистер Джей

Сидящий напротив человек почти торжественно вывел подпись на бумаге. Сделка состоялась. Джей не смотрел на саму подпись – он следил за тем, как дрогнула рука в последней петле. Его собственная подпись ни разу в жизни не дрогнула.

Очередная крупная сумма в кармане.

– По рукам? – человек протянул ладонь ребром.

– Без рук.

Мистер Джей никогда не изменял своим принципам. Рук он не жал.

– Ладно. Постараюсь сделать всё, чтобы не разочаровать тебя, Джей. До встречи.

Дверь закрылась.

Джей расстегнул ворот рубашки.

Голоса в голове включились одновременно, почти перебивая друг друга.

– Мистер Джей такой крутой. Всё сделал чётко.

– Ты видел, как он смотрел на тебя? Будто боялся, что его укусят. Слабак. Но ты-то не такой.

Мужчина прикрыл глаза.

Вдох. Четыре секунды. Задержка. Четыре. Выдох. Снова четыре. Задержка. Четыре.

Ещё раз.

Пока оба голоса не стихли окончательно.

Контроль .

Он не торопился. Каждое движение было отточено, отрепетировано сотни раз. Он собрал бумаги со стола без суеты, подхватив стопку левой рукой. Правой машинально провёл по поверхности стола, стирая невидимую пыль. Края листов легли друг к другу идеально. Папка щёлкнула, принимая документы. Джей поднялся с кресла. Шаг. Сейф. Код. Замок. Дверца отозвалась глухим щелчком. Он положил папку на заранее подготовленное место.

Ничего не поправил. Дверца закрылась.

Щелчок. Полшага назад. Проверка. Механизм сработал.

Всё под контролем.

Камера №4 висела над лестницей, ведущей из VIP-зоны в

основной зал. Мистер Джей смотрел запись второй раз. Без звука. Только изображение.

Чёрное платье спускалось по ступеням. Девушка оборачивалась – раз, два, три. Не на камеру, на зал. Искала подругу. Рука скользила по перилам – левая, правая, левая. Спокойно. Без суеты. Он отметил это. Люди, которые нервничают – цепляются за перила. Он остановил кадр. Она стояла у края лестницы, полуоборот, профиль. Глаза вниз, на зал. Не на него.

Она ушла. Сказала «до свидания» – и ушла.

Джей откинулся в кресле. Бокал пуст, лёд растаял. Он не стал наливать новый.

Клуб пафосный. Танцовщицы чуть живые.

Его клуб. Он вложил в это место слишком много. Дело даже не в деньгах. Деньги – шум. Знал, что получилось. Знал, что лучше в городе нет. А это девочка – явно не местная, явно провинциалка – села на его диван и сказала ему в лицо, что всё это – фигня.

Без наглости, без дерзости. Просто сказала. Как факт. Как «мне всё равно».

Его клуб. Его диван. Его имя. Ей было всё равно.

Джей прокрутил запись снова. Она спускалась по лестнице, и в последний момент, у самого низа, обернулась. Один раз. Не наверх, не в VIP-зону. На зал. Но на секунду её взгляд скользнул вверх. Туда, где он сидел. Она не могла его видеть – балдахин, полумрак, расстояние. Но она обернулась.

Он остановил кадр. Секунда. Полуоборот. Профиль.

Обернулась. Ну, конечно. Все оборачиваются.

Джей выключил монитор. Телефон лежал на столе экраном вниз. Он не звонил ей. Не потому, что передумал. Не потому, что забыл. А потому что несколько дней тишины – это тоже сообщение. Немое «я решаю, когда. Не ты.».

Он наберёт позже. Когда решит. Не сейчас.

***

Эрика лежала на диване у Алисы, ноги на подлокотнике, телефон на животе. Экран не горел. Она не проверяла уже его – нет, двадцать минут назад проверяла. Алиса была на работе, квартира тихая. За окном – мокрый двор, качели, чья-то собака лает на поводке.

Она закрыла глаза и увидела его руки. Бокал, один лёд, кольца. Тёмные линии на пальцах. Как он постучал по дивану – «прошу» – не жест приглашения, а жест хозяина, который указывает на место.

Мистер Джей. Кто называет себя так? Тот, кто не хочет, чтобы знали настоящее имя. Или тот, кому всё равно.

Эрика перевернулась на бок. Телефон соскользнул, она поймала. Экран загорелся – пусто. Ни сообщений, ни звонков. Она отдала ему телефон, он набрал себя и.… ничего.

Ну и ладно. Подумаешь. Работа – это просто работа.

Она знала, что врёт себе. Но врать было легче, чем признать, что ждёт.

Глава 5

Эрика проверяла телефон так часто, что заметила даже Алиса.

– Ты какая-то нервная.

– Нет.

– Эрика. Я всё вижу. Ты проверяешь телефон каждые двадцать минут.

Алиске она ничего толком не рассказывала. С детства верила: чем дольше хранишь что-то внутри, тем оно дольше живое. Стоит рассказать кому-то и – всё ломается. Но Алиса не оставила бы в покое.

– Мне предложили работу в том клубе.

Алиса выпрямилась.

– Работу? Какую?

– Go-Go. В тот вечер.

Алиса моргнула.

– В «Императиве»? Ты серьёзно?

– Босс сказал, придёт сообщение о собеседовании.

– Босс? – Алиса приподняла бровь. Глаза горели любопытством. – Он старый? Толстый? Он….

– Алиса, нет! – Эрика оборвала её на полуслове. – Лет тридцать-тридцать пять, думаю. Он…странный. Татухи везде. Подкачанный. Парфюм у него приятный... Короче, эффектный.

– Ого. Столько дней ты молчала, а тут, оказывается, работа у эффектного босса сама тебя нашла.

– Я не думаю, что меня позовут. – Эрика опустила глаза. До боли родная грусть медленно накрывала с головой. – Я ляпнула ему, что клуб пафосный, и девочки халтурят…

Алиска звонко рассмеялась. В этом вся Эрика – сначала язык, потом мозг.

– Да чёрт с ними, может, и не надо тебе туда. Ты работала в подвалах. А здесь – совсем другой уровень, люди другие. Забей, давай прогуляемся лучше.

Погода, будто, издевалась – стояла совсем тёплая. Из открытого окна веяло манящим весенним воздухом. Таким, от которого сжималось всё внутри и безумно хотелось жить и плакать одновременно.

До вечера девушки бродили по городу, перекусив в парке хот-догами и кофе. Алиса без умолку болтала о своей работе и неудавшихся отношениях, о шмотках и новых трендах. В этом бесконечном потоке слов Эрика на время забыла про клуб. Про красавчика-босса. Про то, что на выходных опять придётся ехать в «подвал». И про то, что время идёт, а она зависла над пропастью в чужом городе, без денег, без своего места….

Город медленно погружался в сумерки. Неоновые вывески загорались одна за другой, тени становились длиннее. Алиса тянула её то в одну сторону, то в другую, показывая витрины, обсуждая фасоны, смеясь над чем-то своим. Эрика кивала, улыбалась, но внутри неё росла тишина – тяжёлая, вязкая.

Ветер усилился, заставляя прохожих плотнее кутаться в одежду. Они свернули в переулок, где пахло снеками и попкорном. Алиса тут же захотела купить что-нибудь и Эрика не стала спорить. Они стояли у прилавка, в руках – стаканчики с фруктовым чаем, и Эрика почувствовала, как согревается.

Когда они наконец вышли к дому Алисы, уже окончательно стемнело. Улицы опустели, фонари горели ровно и спокойно. Алиса что-то ещё говорила, но Эрика не слушала – она совсем ушла в себя.

Стояла, смотрела на тёмные окна домов и думала о том, что где-то там, за этими окнами, люди живут обычной жизнью: ужинают, смотрят фильмы, обнимают любимых, укладывают спать малышей. Она с детства любила смотреть в чужие окна – не любопытства ради. Чтоб хоть на несколько мгновений выхватить кусочек чужого, нормального мира. Где дети не прячутся в ворохе одежды. Где на ночь читают сказки. Где в гости приходят друзья, остаются ночевать, и, наверное, болтают весело до утра. Но окна тоже бывали разные, она знала. И каждый раз сочиняла истории, стоя под очередным окном.

Интересно. Под моими окнами хотя бы раз, хотя бы один человек стоял так и рассуждал о том, кто тут живёт?

Когда девушки добрались до дома, погода испортилась окончательно.

Эрика приняла душ, укуталась в пижаму. Устроилась поудобнее в кровати, планируя убить время за просмотром соцсетей.

А поздней ночью телефон завибрировал в руках внезапно.
«Собеседование. Завтра .19:00. Императив».
Коротко и сухо, словно напоминание о приёме к врачу.
Она перечитала трижды.

По спине пробежал холодок. Она должна туда пойти. Она готова.

Глава 6. Собеседование

Перед выходом из дома Эрика, как обычно, ещё раз проверила макияж, причёску, осмотрела со всех сторон одежду. Для сегодняшнего события она выбрала строгий образ: классические чёрные брюки, чёрный удлинённый жакет, под ним – белый топ, который казался слишком простым, почти беззащитным для места, куда она идёт. Волосы собрала в низкий пучок на затылке, чтоб убрать всё лишнее. Туфли одолжила у Алисы, ужасно неудобные, не по размеру. Брызнула на шею и запястья духи – приторно-сладкие, слишком вызывающие для этого вечера. На секунду ей показалось, что она собирается не на собеседование, а на сделку с дьяволом. Эрика выдохнула, будто сбрасывая с плеч невидимый груз. И вышла из квартиры.

В метро она проговаривала в голове ответы, продумывала интонации, пыталась унять внутреннюю дрожь.

Эрика поднялась по эскалатору из-под земли. Город жил своей жизнью: люди спешили по делам, машины сигналили, красивые витрины манили прохожих. Но она не замечала ничего. Мысли были там, в клубе, который мог стать её новым местом работы. Каждый шаг по брусчатке давался с трудом – туфли Алисы безжалостно натирали.

Ей несколько раз приходилось останавливаться у витрин,

чтобы потирать покрасневшие лодыжки. В эти моменты паника подступала ближе.

Наконец, она добралась до тёмной двери с вывеской. Запыхавшаяся, нервная, с выбившейся из пучка прядью, она шагнула внутрь. Сегодня здесь было тихо. В будний день клуб отдыхал, и только в зоне лаунж и кафе сидели несколько гостей.

У входа администратор кивнул ей и коротко сказал «пройдёмте». К удивлению Эрики, вели её не в кабинет. Озираясь по сторонам, она поняла, что её ведут в уже знакомый лаунж.

За балдахином висел тяжёлый полумрак. Мистер Джей не встал, не протянул руку, только чуть наклонил голову. В этом приглушённом свете он был похож на статую.

– Садись.

Эрика села. Напряжение чуть отпустило, мягкий диван будто обнимал её.

– Выпьешь чего-нибудь?

Эрика украдкой рассматривала его. Снова рубашка – на этот раз тёмная. Пиджак – не строгий, а словно, театральный, с лёгким люрексом. Она незаметно потянула носом. Всё тот

же густой, пряный шлейф. В голове мелькнуло слово «магнетизм». Он, будто и был этим самым словом.

– Да, благодарю. Что-нибудь на ваш вкус, пожалуйста. – Голос звучал ровно. Пить, действительно, хотелось.

Он задержал на ней взгляд, еле заметно улыбнулся и нажал кнопку вызова официанта.

Он красивый, чёрт побери. Эрика, держись, ты не на свидании.

– Откуда ты?

– Я…я с провинции. Где все друг друга знают в лицо.

– Давно танцуешь?

– С шестнадцати лет. Как только смогла зарабатывать на танцевальную студию. Сначала клеила объявления. Потом работала официанткой в маленьком кафе.

Он кивнул, будто эта деталь ему что-то объяснила.

Коктейль принесли быстро – высокий красивый бокал с голубой жидкостью, запотевший, холодный. Эрика отпила. Вкусно. Жажда ушла, дрожь постепенно унималась.

Разговор шёл не по анкетным вопросам, а по её воспоми-

наниям. Он расспрашивал о её городе, о студии, о клубах, где она работала. О том, что она чувствовала, когда была наверху, в «стакане», а публика внизу смотрела. О том, как выступала на городских мероприятиях, где толпа не танцевала, а просто стояла.

Она не знала, сколько прошло – час или два. Время тут не шло, оно растворялось в полумраке.

Она замечала только, как меняется оттенок его тёмно-зелёных волос, когда он выпрямлялся и свет падал на него. В один из таких моментов, когда он ближе придвинулся к ней, в узкой полосе света мелькнула деталь, которую при первой встрече Эрика не заметила. У самой линии роста волос, на лбу, была выведена татуировка. Эрика на пару секунд задержала на ней взгляд. «FRACTUS». Корявая, небрежная, она никак не вязалась с его образом, в котором всё было дорого и выверено до кончиков ногтей. Слово было ей неизвестно, но спросить она не решилась.

Он не перебивал и не торопил. От этого было невероятно спокойно. Возможно, алкоголь на пустой желудок расслабил. А возможно, её впервые в жизни кто-то слушал.

В какой-то момент она обернулась на компанию, покидающую соседнюю вип комнату. Засмотрелась на девушек в дорогих платьях. Манерные, ухоженные, уверенные в себе.

Должно быть, заглянули на ужин после какого-нибудь шоппинга. Или собрались женской компанией просто поболтать.

Когда повернула голову обратно, пространство между ними резко сжалось. Она увидела его глаза, серые, цепкие. Его рука легла ей на шею. Джей чуть наклонился над ней, и она ощутила его дыхание.

И поцеловал. Не спрашивая, не торопясь.

Когда он отстранился, в полумраке его глаза казались почти чёрными. Его рука всё ещё лежала на шее, большой палец водил по коже.

Эрика перестала дышать.

– Поехали ко мне, – тихо, почти шёпотом.

Эрика почувствовала, как низ живота приятно сжался. В первую встречу он её отпустил. Позволил уйти. И всё это время она чувствовала кожей – он не забыл. Он ждал.

– Работа – это отдельно, – добавил он. – Договор скинут завтра. Пятница – первый выход. А сейчас… – он наклонился чуть ближе к её уху, – сейчас это не про работу.

Эрика должна была сказать «нет». Её осторожность за-

била тревогу – незнакомец, поздний вечер, чужая квартира…Но вместе с тревогой изнутри поднималось что-то другое – тёмное, незнакомое, горячее. Желание. Чистое, физическое, честное.

Да пошло оно всё.

Она хотела его, и это было так непривычно, почти физически больно.

– Ладно, – сказала она спокойно, хотя сердце колотилось так, что, казалось, он слышит.

Они спускались по лестнице, он – впереди на полшага. В баре кто-то окликнул его, бросил что-то про рабочие дела. Мистер Джей даже не повернул головы – коротко бросил через плечо:

– Завтра.

Одно слово. Будто мир существовал, но не имел значения.

Эрика вышла первой. Ночной воздух ударил в лицо – сырой, холодный, пахнущий мокрым асфальтом и чем-то химическим из вытяжки клуба.

Низкая машина, длинная, графитовая, с силуэтом хищника в засаде, будто послушно дожидалась его.

Мистер Джей не спешил: позволил себе короткую паузу, чтобы город на секунду заметил его присутствие. Потом небрежно, но точно нажал кнопку на брелоке. Щелчок – замки послушно сдались. Он улыбнулся краешком губ, незаметно.

– Далеко? – спросила Эрика.

– Нет. – Мистер Джей открыл перед ней дверь машины.

Белый, стерильный салон. На руле Эрика увидела знакомый жёлтый значок. Конь, вставший на задние ноги.

Он включил музыку и тронул.

Глава 7

Massive Attack-Angel

Бас. Не заиграл – проступил.

Низкий, тёмный, будто из-под земли. Не звук – давление. Воздух стал тяжелее, плотнее. Эрика чувствовала его спиной, через сиденье. Он шёл отовсюду, будто билось тяжёлое сердце самого мира, из глубины.

Потом голос. Как будто кто-то говорит из-под воды. Бас и голос, и больше ничего. Этот звук не утешал – он давил. Как будто хочет тебе сказать «ты никуда не денешься». Не угроза – факт. Город за окном, частые фонари. Машина, ночь, дорога, бас, он и она.

Мистер Джей молчал. Руки на руле. Татуировки в свете встречных фар будто оживали.

Бас вырос – как будто пол ушёл. Словно нажал на грудь ладонью и не отпускает.

Эрика смотрела на него. Он смотрел на дорогу. Тёмные линии на шее, на пальцах.

Бас через его лицо.

Через линию челюсти.

Он был этим басом. Или бас был им. Эрика уже не раз-

личала.

Она не вцепилась в сиденье – она откинулась на него, позволяя звуку вдавить её в мягкую кожу.

Он, будто показывает, как звучит его мир.

Джей чуть повернул голову, поймал её взгляд. Он не сбавил звук. Но и не прибавил. Просто держал этот ритм, позволяя ей привыкнуть. Сильнее надавил на педаль. Машина рванула вперёд, как зверь, который наконец-то сорвался с места.

И Эрика поняла: рядом с ним придётся дышать в такт этому тяжёлому, тёмному ритму. И не испугалась.

Машина остановилась у высотки элитного жилого комплекса. Охранник у шлагбаума коротко кивнул, ворота открылись.

Эрика старалась выбираться из низкой машины, как можно элегантнее. Ноги всё ещё саднило от чужой обуви. Страх ушёл, сменился на что-то другое: предвкушение, смешанное с удивлением, что она вообще решилась на это.

В лифте он стоял чуть позади, не касаясь, но его присутствие она ощущала кожей. Двери разъехались, и коридор

оказался тихим, слишком чистым, слишком дорогим. Она никогда раньше не бывала в таких домах.

Он открыл дверь, сделал шаг в сторону, пропуская её вперёд, как человек, который знает: она войдёт. И она вошла.

Квартира была в чёрных тонах – не мрачных, а глубоких. Свет приглушён. Во всём вкус, каждая деталь продумана до мелочей.

Огромный чёрный диван, старинное зеркало в полный рост у стены. Мягкий ковёр. В воздухе витал тонкий запах благовоний – не душный, как в храмах, а такой, который хотелось вдыхать и запоминать.

Эрика остановилась посреди гостиной, не зная, куда поставить сумку, куда деть руки... И тут её взгляд зацепился за картины на стенах. Их было три: абстрактные, но невероятно живые, будто кто-то пытался перенести на холст движение, ритм, саму жизнь.

– Очень красивые картины. Художник, должно быть, удивительный человек, – Эрика ходила по комнате, как по галерее, пытаясь рассмотреть детали поближе.

Мистер Джей замер буквально на долю секунды. В глазах появилось превосходство. Эрика не заметила.

– «Красивые картины»... Это интереснее, чем «гениально» или «необычно». В «красиво» есть что-то личное. Это мои работы. Что именно тебя зацепило?

– Они… живые, – сказала Эрика, подходя ближе, чтобы рассмотреть мазки. – Будто сейчас начнут двигаться.

Мистер Джей смотрел, как она разглядывает хаос, перенесённый на холст красками.

– Они живые, потому что я не давал им права быть мёртвыми. Они вот-вот двинутся. Вопрос только в том, что ты сделаешь, когда это случится.

Эрика, наконец, посмотрела на него. Он успел снять пиджак, закатать рукава рубашки до локтей. Удивительно, как он вписывался в это пространство – или пространство в него. Будто цельный организм: он, тёмная квартира, мягкий ковёр, картины, благовония...

– Ты первая, кто вообще их заметил, – произнёс он, и в голосе прозвучала странная, почти уязвимая интонация. – Обычно все смотрят на вид из окна. Или на бар.

Эрика улыбнулась. Нарастало странное чувство, тихое,

неотвратимое, незнакомое. Покой. Будто она наконец дома. Хоть «дома» она никогда и не была. Здесь был другой уют – собранный, строгий, выстроенный. Уют человека, который не пускает беспорядок внутрь.

Мистер Джей молча прошёл к тёмному лаконичному бару. За прозрачной дверцей красовались бутылки с дорогим алкоголем. Взял два низких бокала, плеснул в каждый немного янтарной жидкости. Не спрашивая, не предлагая. Знал, что не откажется.

Он протянул ей бокал. Эрика намеренно коснулась его пальцев.

– За то, что ты заметила картины, – тихо сказал он, поднимая свой бокал.

Она чуть усмехнулась. Этот вечер уже не вписывался ни в какие правила.

– За картины, – повторила она и сделала маленький глоток. Виски обжёг горло, но следом пришло тепло, которое медленно растеклось по груди, снимая последние зажимы.

Они стояли друг напротив друга. Он – у бара, она – посреди комнаты, рядом с его картинами. И тишина в квартире не была напряжённой. Она была правильной. Как мгновение

покоя перед бурей.

Эрика сделала ещё глоток и обвела взглядом стену.

– А больше их нет? Только три?
– В гостиной три, – ответил он, – Ещё две в спальне. Другие.

Слово «спальня» повисло в воздухе, и Эрика почувствовала, как сердце сделало лишний удар.

– Другие? Что на них?
– Иди и посмотри.

Это прозвучало, как вызов. Эрика посмотрела на свой бокал, на каплю, стекающую по стеклу. Потом поставила его на журнальный столик и двинулась вглубь квартиры.

Спальня была такой же чёрной, но пространство было другим, более глубоким. Тёмная кровать, стены, жёлтая неоновая подсветка, идущая по изголовью кровати, тонкая, пульсирующая, как артерия. На стенах две картины. Всё тот же хаос, но другие оттенки – больше красного, серого и белого, как раны, которые не закрылись.

Слева от картин Эрика заметила шкафчик.

За прозрачным стеклом, как в музее – коллекция. Наручники, шёлковые ленты, цепочки, ошейники. Всё это было аккуратно разложено, выставлено напоказ, будто нарочно.

Он стоял в дверном проёме и наблюдал за ней. Лицо его было абсолютно спокойным.

– Увидела.

Эрика посмотрела на него.

– И не испугалась, – сухо, как констатация.

– А должна была?

Он подошел сзади, беззвучно, будто подкрадываясь. Руки легли на её плечи, нашли ворот.

Жакет скользнул вниз.

Эрика не оборачивалась.

Ей казалось, что смотреть ему в глаза на таком расстоянии – как смотреть на солнце. Слишком.

Услышала, как жакет лёг на что-то мягкое – кресло или стул.

Он кладёт вещи аккуратно. Даже сейчас.

Его ладони легли на её талию, потянули вверх топ. Руки поднялись сами, будто тело всё знало без неё. По коже пошли иголочки – по спине, плечам рукам. Его длинные и точные пальцы скользнули вниз, потянули молнию на её брюках. Ткань упала. Эрика перешагнула её. Потом – бельё. И вот она уже, полностью обнажённая стоит в его спальне и покрывается мурашками. Не от холода. Она

инстинктивно подняла руки чтоб закрыться, по привычке.

– Не двигайся. – Его голос, низкий, прямо возле её уха.

Шаги к шкафчику. Щелчок. Дверца открылась. Звук металла. На глаза легла шёлковая повязка. Все погрузилось в темноту. Слух обострился, тело теперь реагировало даже на звуки.

– Руки.

Эрика вытянула руки перед собой. Наручники сомкнулись на запястьях. Не грубые, не слишком тугие, с мягкой подкладкой изнутри. По телу прошла тёплая волна – от запястий, выше к плечам, и далее – к животу. Он мягко направил ее к кровати. Уложив, закрепил руки поверх её головы. Она дёрнула один раз, инстинктивно. Металл лязгнул о

спинку кровати. Она слышала его ровное дыхание. Его парфюм, тяжёлый, теперь удушающий – он словно проникал под кожу. Потом – пауза, ожидание. Она не знала, где он, только слышала, как он ходит по комнате. Шаги тихие, выверенные. Неизвестность была сладкой и невыносимой одновременно. Его ладонь тёплая, твёрдая, легла на её лицо.

Пощёчина.

Резкая, неожиданная, как будто воздух треснул. Кожа загорелась, Эрика вдохнула сквозь зубы. Он взял её за подбородок и повернул влево, вправо, разглядывая.

Ещё пощёчина.

Рука спустилась на шею и сдавила. Эрика замерла, кожей чувствуя его пульс.

Он сдавливал сильнее, пока Эрика совсем не смогла вдохнуть и под повязкой не заплясали цветные круги. Он точно знал, когда нужно отпустить.

Его губы накрыли её, быстро, не давая поцелую углубиться. Затем шея – губами, затем – зубами, впиваясь и натягивая кожу.

Завтра останутся следы. Но её это не беспокоило. Укус в плечо, и она ахнула – звук вышел откуда из глубины, низкий, хриплый. Как бас в его машине.

– Вот так. Ещё.

Он сильно ущипнул мягкую кожу где-то под рёбрами. Затем – под грудью, ещё сильнее. Эрика застонала протяжно.

– Больно, – выдохнула она.
– Знаю.

Он кусал её шею, ключицы, плечи, кусал и зализывал, и от этого контраста *больно-тепло-больно* становилось жарко, мокро, невыносимо. Укусил внутреннюю сторону бедра, сдавил зубами. Эрика вскрикнула.

Эрика мелко дрожала, ей казалось, что это сладкое мучение не кончится никогда.

Он отстранился. Эрика тяжело дышала, и выдохи оканчивались тихим стоном, как мольба. В темноте она услышала хруст разрываемой упаковки. И вся напряглась, ожидая, сердце стучало, как дикое.

Приподняв ее бёдра, он вошёл, резко, грубо.

Её пальцы сжали цепь наручников над головой, как единственную точку опоры. Ноги обхватили его тело. Она застонала, и с её губ сорвалось протяжное «да». Бессовестное, откровенное, такое правильное. Он двигался ровно, чётко, и каждый толчок поднимал изнутри что-то горячее, неведомое, тёплое. Волна накрыла её резко, ноги сжались, и вся она сжалась изнутри, выгнулась телом. Она кричала, пыталась отвернуться – он не позволил. Сжал её лицо и произнёс хрипло:

– Смотри на меня.

Тело изгибалось в судороге, и темнота стала вдруг такой яркой, как вспышка стробоскопа. Она обмякла, придерживаемая его руками.

Несколько минут ничего не происходило. Затем щёлкнули наручники, опустилась повязка. Она увидела его. Впервые без одежды. Татуировки покрывали кубики пресса и грудь – чёрные, цветные, не имеющие единой композиции, как на руках. Губы впились в её губы, снова кусая.

– Ты красивая, – он тяжело дышал.

Один быстрым движением он перевернул её к себе спиной. Эрика вцепилась в спинку кровати и прогнулась в спи-

не. Тело ждало его снова, без этой заполненности стало невыносимо больно. Только не пустота, пусть он делает всё, что захочет, только не эта пустота.

Его пальцы сжимали, мяли её тело, оставляли полосы, как роспись на холсте. Взяв её за шею, притянул к себе, заставляя ещё больше прогнуться.

– Сможешь повторить?

– Я ...не могу...– от его голоса, такого близкого, обжигающего, низ живота потянуло невыносимо.

– Ты сможешь.

Рука стянула волосы на затылке, запрокинув ей голову. Он вошёл снова. Его ритм поменялся, стал рваным, неконтролируемым. Её пальцы побелели, сжимая опору, она выкрикивала бесконечно одно только слово «да», вперемешку со стонами. И снова волна. Такая необходимая, затяжная, дольше, чем первая. Она дрожала крупно, и ей казалось, что сознание улетает куда-то далеко. Он приглушённо застонал ей в ухо, в последний раз прикусил там, где артерия, и все закончилось. Он отпустил медленно её волосы, отпустил её тело. Эрика упала в подушки.

Сознание возвращалось медленно: сначала – глухой шум

воды в ванной, потом – тёплый неоновый свет, пробивающийся сквозь веки, затем почти ровное собственное дыхание.

Она лежала на боку, не открывая глаз, и ждала. Просто ждала, когда он вернётся.

И он вернулся. Лёг на кровать рядом – матрас едва слышно прогнулся под его весом. Эрика хотела обернуться, поймать его взгляд, но тёплая ладонь твёрдо легла между её лопаток, удерживая на месте.

– Спи, – коротко бросил он.

Она выдохнула, и напряжение, копившееся в теле днями, будто вытекло сквозь пальцы. Уголки губ дрогнули в тихой, едва заметной улыбке – он всё равно не видел.

Рука так и осталась лежать на её спине.

Впервые за долгое время в эту ночь она не видела снов.

Глава 8. Архив: Джей. Становление

Один из складов был переоборудован под переговорную. Он знал, что помещение выбрано не случайно – низкие потолки, тяжёлый воздух, один выход. Психология. Они думали, что давят на него пространством. Он позволил им так думать. Их было трое, на стульях, расставленных полукругом. Как лет пятнадцать назад – на сходках. Они так и сидели, будто сходка не кончалась.

Виктор Палыч – седая стрижка «ёжик», лицо кирпичом. Лицо реального, бандитского, старого мира.

Эдик по кличке Тихий – просто не любил лишних слов. Зато любил лишние деньги. Бухгалтер теневых потоков клуба.

Третий – Карп. Много шеи, мало мозгов. Молчал, когда надо. Когда не надо – тоже молчал.

Он вошёл последним. Сел на единственный оставленный ему стул. Ниже их. Тоже расчёт. Он позволил и это.

Молчание длилось ровно столько, сколько нужно было Виктору Палычу.

– Мальчик мой, – Палыч откинулся на спинку стула. –

Скажи, зачем весь этот цирк? Ты же не серьёзный человек. Клади на стол все документы и активы, и мы разойдёмся по-хорошему.

Он ответил не сразу.

– Виктор Палыч. Скажите, как давно вы меня знаете?

– С детства.

– Вот и я вас – с детства. Поэтому не будем тратить время на театр. Вы сели полукругом. Выбрали мне низкий стул. Один выход – за вашей спиной. Был бы я параноиком – решил бы, что мне угрожают. Но я не параноик. Я просто наблюдательный.

– Ты о чём толкуешь, пацан?

– О том, что умных людей разговорить выгоднее, чем запугать.

Пауза. Палыч переглянулся с Тихим. Карп почесал шею.

– Ты знаешь, зачем мы собрались, – сказал Палыч. Голос тяжёлый, как камень по жести. – Клуб. Ты там почти год. Хватит. Документы передашь сам, или помочь?

Мужчина с татуировкой на лбу сидел расслабленно. Руки

в карманах.

– Это всё?

– Всё. – Палыч откинулся назад. – Будешь умным – уйдёшь целым. Будешь глупым – тоже уйдешь. Но по частям.

Тихий хмыкнул. Карп сидел молча, надувшись.

– Виктор Палыч, – мужчина напротив них чуть наклонил голову. – Клуб мой. Моим и останется. Ты пришёл говорить или слушать?

Карп встал. Стул скрипнул. Рука нырнула за пазуху. Рефлекс.

– Сядь, – бросил Палыч, не глядя на него. Карп сел. – Вату не катай. Говори по существу. У тебя пять минут.

– Мне хватит трёх.

Мужчина небрежно взглянул на наручные часы.

– Палыч. Три года назад ты перевёл двести тысяч на счёт в Риге. Счёт на твою бывшую. Налоговая не знает. Я знаю.

Палыч не шевельнулся. Но воздух стал плотнее.

– Карп. – мужчина повернулся к нему. – Август. ДТП на объездной. Ты был за рулём. Экспертизу купили. Но у меня есть реальная запись с камер.

Карп дёрнулся. Будто сдулся моментально.

– Тихий. – он даже не повернулся. – Обналичка через три конторы. Схема работает, пока работает. Объём за прошлый квартал – четырнадцать миллионов. Из них шесть – твоих.
Остальное – Палыча. Это, если коротко.

Тихий подался вперёд. Руки на коленях, пальцы в замок.

– Ты чё, – сказал он. – Угрожаешь мне?

– Нет. Я информирую.

Палыч смотрел на телефон. Потом на татуированного.

– Красиво стелешь, – сказал Палыч. – Гладко, как на бумаге. Бумаги горят, мальчик.
– Горят. – он кивнул. – Поэтому я не храню на бумаге. Но это не главное. Главное – среди ваших людей есть тот, кто уже работает на меня.

Палыч не двинулся. Тихий не двинулся. Карп перестал че-

сать шею.

– Кто? – сказал Палыч тихо.

– Не важно, кто. Важно, что. Вы пришли забрать клуб втроём. А уйдёте – не знаю. Зависит от вас.

– Ты на что намекаешь, паря? – Тихий подал голос.

– Я не намекаю. Я говорю. – Мужчина в татуировках посмотрел на него. –Тихий, ты любишь деньги. Я знаю, сколько тебе платят. И знаю, сколько ты теряешь. Сколько сейчас, и сколько мог бы получать. Цифры разные.

Тихий молчал. Сцепленные пальцы побелели.

– Палыч, ты человек системы. Система работает, пока все на местах. Пока все молчат. Я не ломаю систему. Я переставляю фигуры.

Палыч встал. Медленно. Обошёл стол. Остановился напротив. Ростом – выше. Массой – тяжелее. Кулаки большие, тяжёлые, привыкшие.

– Ты человек маленький, – сказал Палыч. Голос упал до баса, почти шёпот. – Клуб наш. Ты был удобный. Время вышло. Завязывай комедию ломать. Ты себе смертный приговор подписал. Понял?

Он не отступил. Не моргнул. Просто сидел.

– Понял, – сказал он. – Но ты не услышал главное.

– Какое ещё главное?

– Пока вы тут сидели, я уже нашёл новые каналы поставок. Три. Один – через портовый терминал. Второй через Закавказье. Третий – не буду называть, потому что не нужно. Схема Палыча работает на старой логистике. Старой логистике остался год, может два. Я предлагаю новую. Ты в системе, Палыч, но система стареет.

Палыч молчал. Карп смотрел на Палыча. Тихий смотрел на Палыча. Все ждали.

– Чего ты хочешь? – спросил Палыч. Голос сухой, плоский.

– Признания. Клуб – мой. Вы получаете процент. Тихий – двадцать вместо нынешних восьми. Карп – свои проблемы решает сам, но за ДТП ничего не всплывёт, пока мы в договоре. Палыч остаётся. Ничего не меняется, кроме одного: ты больше не решаешь. Я решаю.

– А если мы тебя просто закопаем? О таком раскладе ты не подумал? – Палыч подался вперёд. Его тень упала на татуированного, накрыла целиком.

– Подумал. – Он говорил спокойно, без нажима. – У меня с собой папки. Если я не выйду отсюда в течение часа –

файлы уходят. Налоговая, второй отдел, две редакции и один человек, которому будет интересно. Не я отправляю. Автоматика. Таймер поставил не я. Снять может только один человек –лично, лицом к лицу. Мне не нужен телефон. Один час – и всё. Мёртвый переключатель, если угодно.

– Какой ещё таймер? Кто поставил? – Палыч сощурился.

– Тот, кого вы не найдёте. Даже, если сейчас начнёте искать. Время идёт.

Палыч медленно сел. Обвёл всех взглядом. Карп смотрел вниз. Тихий – вниз. Все. Кроме психа напротив.

– Что ты притащил с собой? Выкладывай на стол.

Мужчина расстегнул плащ. Достал из внутреннего кармана папку. Тонкую, в чёрном пластике. Положил нас стол. Рядом с Палычем.

– Открой.

Палыч открыл. Семь листов. На каждом – имя, дата, сумма, подпись. Бухгалтер. Их бухгалтер. Не Тихий – другой. Тот, кто считал их деньги. Тот, кто знал каждую цифру. Тот, кто был в системе глубже, чем все трое вместе. И кого они сегодня не позвали на эту сходку, потому что не считали важ-

ным. Палыч смотрел на листы, руки на столе. Лицо не изменилось, всё тот же кирпич. Но руки чуть дрогнули. Едва заметно.

– С марта, – сказал мужчина. – Он работает на меня с марта. Первый перевод – март. Второй – апрель. Третий – на прошлой неделе. Палыч, ты думал, что он твой. Ты думал, что он – система. Он – моя система. С марта.

Палыч закрыл папку. Медленно. Аккуратно. Как закрывают крышку гроба.

– Ты в себя поверил, – сказал Палыч.
– Я предупредил.

Он открыл второй карман плаща. Достал вторую папку. Тоже тонкую, тоже чёрную. Положил рядом с первой.

– А в этой – имена, даты, номера счетов, где лежат деньги от поставок. Всё, что нужно, чтоб закрыть этот клуб и посадить всех, кто при делах. Включая вас троих.

Палыч не открыл вторую папку. Не тронул. Только смотрел.

– Один экземпляр, но не единственный, – сказал мужчи-

на. Он впервые чуть улыбнулся. Не тепло. Самодовольно.

– Блеф, – сказал Карп. Голос сел.

– Карп, – мужчина посмотрел на него. – Погибли двое. Третий остался инвалидом. Виновник аварии – ты.

Карп притих.

Долгое молчание. Палыч стоял, кулаки на столе. Он думал, считал. Считал, что выгоднее: убрать его сейчас или оставить. Убрать – но «переключатель». Не убрать – потеря власти. Подождать – но новые каналы уже работают, время против него.

– Убрать его, – сказал Палыч. Тихо. Без эмоций. Как ставят задачу. – Карп.

Карп встал. Стул отъехал. Рука снова нырнула за пазуху.

Мужчина с татуировкой на лбу не двинулся.

– Палыч, – сказал он, – среди ваших людей есть тот, кто уже работает на меня. Ты сказал «убрать». Ты уверен, что Карп выполнит?

Карп замер. Рука за пазухой. Палыч медленно повернулся к нему. Три секунды. Пять. Они смотрели друг на дру-

га. Карп опустил руку. Молча сел. Не потому, что испугался. Потому что не был уверен, на чьей стороне стоит. Палыч повернулся к Тихому. Тот не встал. Сидел, сцепив пальцы, но глаза – не на Палыча. На татуированного. Палыч молчал. Все молчали. Воздух в помещении стал плотным, как вата. Тихий чуть повернул голову. Посмотрел на татуированного. Прямо – без страха, без вызова. Как бизнесмен, которому предлагают сделку. Палыч увидел. Посмотрел на Тихого – тот не отвёл взгляд. Палыч понял суть: его люди не напуганы – заинтересованы. Тихий считает, Карп не уверен. Система, которая держалась годами, треснула за пять минут.

– Условия, – сказал Палыч. Голос пустой. – Письменно. К четвергу.

– К среде, – сказал мужчина.

– К четвергу.

– Хорошо. К четвергу.

Он забрал папки со стола. Убрал в карманы. Пошёл к двери. Остановился в проёме, не оборачиваясь.

– Сорок одна минута, Палыч.

Дверь закрылась. Три секунды тишины. Карп выдохнул громко, будто удерживал воздух всё это время.

– Палыч…
– Заткнись.

Палыч всё так же сидел, глядя на стол, где минуту назад лежали папки.

Тихий нарушил молчание первым:

– Двадцать процентов. Он сказал, двадцать. Это вдвое больше, чем сейчас.

– Слишком шустро считаешь, – Палыч медленно повернулся к нему.

– Я всегда считаю. Работа у меня такая.

Палыч молчал. Затем сказал:

– Бухгалтер. С марта. С марта, а я…

– А ты не знал, – подал голос Тихий. – Теперь знаешь.

Карп посмотрел на дверь, за которой исчез татуированный.

– Может, догнать? – сказал он, чисто по инерции.

– Сядь, – сказал Палыч. – Четверг. Будет договор. И со считалой побазарим.

Тихий встал, поправил куртку. Посмотрел на Палыча.

– Он не блефовал. Сечёшь?

Палыч ничего не ответил. Пацан, которого он знал с детства, за полчаса переиграл их троих. Не за полчаса – с марта.

– Идите.

Тихий вышел. Карп вышел.

Палыч остался один. Закрыл глаза. Открыл. Посмотрел на низкий стул, который сам для него поставил.

Он не двигался. Думал. Не про папки. Не про договор. Про мальчика, которого знал. И про человека, которого не узнал.

Коридор. Выход. Ночной воздух.

Он шёл по коридору, его пальцы мелко дрожали – он спрятал их в кармане плаща. Он не чувствовал страха – он слишком устал, чтобы бояться. Главное – не сбавлять шаг. Главное – выглядеть так, будто ему всё равно. Пусть думают, что он псих. С психами не спорят.

Шум в голове нарастал. Как фоновые помехи. Постепенно сквозь него пробились голоса. Один –писклявый, будто кривая озвучка мультфильма. Второй – строгий, будто пре-

под устало зачитывал лекцию.

– Теперь они поняли. Теперь они больше не сунутся. Прижал им хвосты, как никчёмным щенкам.

– Статус. Бабки. Авторитет. Они примут. Они уже приняли. Им придётся. Их время прошло. Мистер Джей – ваш выход.

Он замер на мгновение, уже открывая дверь своей подержанной иномарки. Он привык к пустой болтовне внутри черепа, и знал, как их заткнуть. Но что-то заставило его прислушаться. *Мистер Джей.* Титул. Человек без прошлого. Альтер-эго, если совсем – для недалёких. Он усмехнулся. Пробормотал себе что-то под нос. Сел на водительское. И нажал на педаль газа.

Глава 9. Эрика. Пробуждение

Лежа в кровати в тесной, душной Алискиной квартире, Эрика чувствовала, что проваливается. Не в сон – сон был бы спасением, если бы пришёл.

Она проваливалась в чёрную пустоту, гулкую, холодную, бесконечную. Тело ещё побаливало от его прикосновений, как будто не давая забыть, что он был с ней. И от этого было ещё тоскливее. Алиса засыпала её вопросами, когда Эрика вернулась. Выпытывала подробности, бессовестно лезла в душу, а Эрика не могла ничего рассказать.

Как она могла объяснить, какое могла дать название тому, что произошло? Разве смогла бы Алиса понять хоть на толику, почему в ту ночь эта боль была такой сладкой, такой желанной, почему он, буквально проник под кожу, почему раньше она никогда не могла себе вообразить, что так вообще бывает?

У неё были парни – недолгие отношения, случайные связи. Они все были похожи друг на друга, всегда по единому сценарию. С ними Эрика практически ничего не чувствовала. Чаще просто ждала, когда всё закончится. А он, этот странный, нереальный мужчина, вдруг вытащил изнутри то,

о чём она не подозревала. Впервые она отдалась, вся, полностью без остатка. Парадокс, но лёжа там, в его чёрной постели, с пристёгнутыми руками и лишённая возможности видеть, она была в тысячу раз свободнее, чем когда-либо в своей жизни.

Она полностью отдала себя в его руки, и эти руки показали ей то, что годами лежало на самом дне.

Он обвёл красным то, что не имело цвета ранее.

Она вспоминала утро в его постели. В полумраке она смотрела, как он спит. Странно красивое лицо с острыми чертами – скулы, высокий лоб, чётко очерченная твёрдая нижняя челюсть и тонкие губы. Эрика скользнула взглядом по его телу и невольно задержалась: жёсткие, выточенные рельефы. Плечи широкие, руки лежали неподвижно, и по предплечьям шли линии вен, как штрихи на чертеже. В каждом суставе чувствовалась точность, будто мышцы были настроены, как струны. По привычке прислушалась к дыханию – равномерное, тихое. Осторожно встала с кровати, нашла его вчерашнюю, рубашку, накинула. Невольно вдохнула запах – ткань ещё хранила остатки парфюма. На цыпочках прошла в сторону кухни.

Тёмный мраморный пол. Тёмный гарнитур. Кухня была прохладной, будто не обжитой. Ничего лишнего, холодные

бытовые приборы, глянцевые столешницы. Эрика открыла шкаф с посудой – минимальный набор для одного хозяина. Тут явно не ждали гостей. Достала высокий стакан. Набрала воды из-под крана. Выпила залпом. Уселась боком на широкий подоконник, кутаясь в его рубашку. Рука потянулась к шее, нащупывая гематомы.

Под закрытыми веками проступили вспышками эпизоды прошедшей ночи. Она кожей вновь почувствовала болезненные поцелуи, тонкие пальцы, сжимающие горло, ощущение заполненности, ритм.... Она вспоминала, как бесстыдно кричала и хотела его, бесконечно, и его руки, не дающие упасть и одновременно толкавшие в пропасть.

Сейчас она уедет, и всё закончится навсегда. Для него всё будет, как раньше. Сюда придут другие женщины. Увидят его картины. Уснут в его кровати. Возможно, выпьют кофе на этой прохладной кухне. Она – лишь эпизод. Одна из сотни.

Шорох в дверном проёме. Эрика резко обернулась, возвращаясь из тяжёлых раздумий.

Он стоял, опираясь на дверной косяк. Пижамные тёмные штаны, руки в карманах. Как долго он наблюдал за ней? Эрика засуетилась, пойманная врасплох.

– Прости, я надела твою рубашку... Я хотела пить... Я...

Слова не шли. Она нарочно прикусила щёку изнутри.

Мистер Джей медленно подошёл. Мягко взял её подбородок, приподнял, разглядывая шею, ключицы, будто оценивая свою работу. Эрика сжалась в комок.

– Тебе идёт. – Произнёс, как факт. Что он имел ввиду – отметины или его рубашку, она не поняла.

Он раздвинул ей ноги и встал между ними.

Не спеша, опустил рубашку с её плеч. Языком коснулся шеи, провёл влажную дорожку вниз. Эрика протяжно выдохнула, подаваясь ему навстречу телом. *Он ничего не сделал, а ты уже рассыпалась* – мысль лениво шелохнулась и тут же растворилась.

– Почему тебе нравится, когда больно? – Он почти прошептал ей в губы.

– Почему тебе нравится *делать* больно? – Эрика ответила таким же шёпотом. Его серые глаза смотрели в её зелёные, не отрываясь, не моргая. Ни один не отвёл взгляд.

Вместо ответа – поцелуй, глубокий, влажный. Снова руки по телу, теперь не сжимающие – исследующие. Рубашка ку-

да-то исчезла. Теперь её руки – они тоже исследовали, запоминали наощупь каждый рисунок на коже, выступы мышц, их твёрдость.

А потом – кухонный холодный стол под обнажённой спиной, её ноги вокруг его тела.

Эрика, изогнутая в острой, ломкой дуге. Он, сжимающий её шею...

Алискин потолок. Стены. Стул. Вещи, брошенные небрежно.

Эрика не хотела шевелиться. Чёрная тоска пожирала каждую клетку тела, и в этом липком тумане хотелось остаться навсегда.

Не слышать. Не видеть. Не знать.

Мир вокруг стал глуше. Алиса, гремящая посудой на кухне. Дети во дворе. Звук настенных часов. Существовала только она, и эта непроглядная, болезненная, грызущая душу, тоска. И с каждым прикосновением к отметинам на теле она возвращалась туда, где оставила так много.

В его квартиру, пропитанную благовониями. Где душа почему-то была так спокойна. В его спальню, где она впервые услышала себя. В его мягкую кровать, в которой он целовал,

кусал её, брал, и она хотела ещё и ещё....

Эрика повернулась на бок. Прикрыла глаза. Всё вокруг стало неважным.

Глава 10

«Императив» жил по своим законам. С пятницы по воскресенье клубный этаж просыпался: приглушённый свет сменялся на неон, барная стойка начинала дышать виски и абсентом. Зачастую тут проводили тематические вечеринки «для своих» – закрытые списки, закрытые двери, уникальные перфомансы. На первом этаже кипела публика, но настоящий пульс «Императива» бился наверху –там всё решалось не деньгами, а именем. Сюда приходили не танцевать. Сюда приходили принадлежать.

Эрика отработала все три ночи подряд. Пятница, суббота, воскресенье – без заминки, в своём любимом, не слишком ярком костюме – серебристые мини-шорты и лиф. Надела верные хилсы, поднялась в «стакан», и тело делало всё само: ритм, линии, переходы – точные, без суеты. Под любой микс, под любой темп.

Уже в пятницу. к концу сета кто-то из «постояшек» задержался возле неё. В субботу кто-то снимал на телефон. В воскресенье её уже запомнили.

Такого успеха тут не прощали.

Она слышала, как в гримёрке посмеиваются и шепчутся.

Ощущала косые взгляды – цепкие, оценивающие. Игнорировать подобное она научилась с детства. В школе тоже смеялись.

Сейчас её единственным языком было тело, музыка, бит.

Наверху, в полумраке VIP-ложи кто-то наблюдал. Тёмный силуэт, бокал в расслабленной руке. Внизу, на платформе, она танцевала, не зная, что стала единственной, кого видели сверху в эту минуту. Неоновые вспышки ложились на её тело мягкими мазками.

Человек в темноте не шевелился, только слегка сужались зрачки, выхватывая из ритма то, что другие не видели. Не технику. Что-то другое. Что-то, ради чего он пришёл сюда сегодня.

***

Подземная парковка встретила его гулом вентиляции и запахом бетона. Лампы делили пространство на прямоугольники света и тени. Он шёл медленно, руки в перчатках без пальцев из темной кожи. В руках – чёрная компактная сумка. В сумке – бутылка белого Cloudy Bay. Он взял её из своего личного бара.

Трасса сухая. Весна в разгаре.

Два силуэта на месте. Графитовый Ferrari Roma – низкий, длинный, спящий зверь. Рядом – Ducati Panigale, тёмно-фи-

олетовый. В тусклом свете ламп он казался почти чёрным. Только на изгибах танцевала едва заметная глубина – цвет, который не кричал, а давил. Джей остановился у Ducati.

Он ездил на нём редко, обычно – ночью. Один. Когда уродцы, живущие в голове, не хотели уходить. Когда шум внутри становился сильнее шума снаружи. Асфальт, скорость, и больше ничего.

А сегодня – впервые за сезон.

Ночь, ветер, вино прямо из бутылки. И тишина.

Он застегнул шлем, который когда-то сам покрыл рисунками. Сел на Ducati. Ключ повернулся, и парковку заполнил звук – рвущийся, открытый, голый. Как вскрытый нерв. Машина обещала безопасность. Байк не обещал ничего.

Ночная дорога приняла его ветром и пустотой. Он не выбирал маршрут. Просто ехал. Стрелка на спидометре ползла вверх, и мысли становились тише.

Набережная. Чёрная река. Жёлтые фонари. Он остановился, заглушил двигатель. Достал из сумки тёмно-зелёную бутылку. Открутил крышку. Сделал длинный глоток. Вино было тёплое. Сухое, белое, как свежая трава на вкус.

Всё, как и планировал. Он присел на бетонный спуск. И вдруг – без причины, без предупреждения, в голове возникло окно. Третье слева, второй этаж. Светлая занавеска. Он запомнил его тем утром: отвёз её домой, остановился у подъезда, она вышла. Не обернулась. Дверь закрылась. Он не уехал. Сидел и смотрел. Ждал. Через минуту качнулась занавеска, он увидел силуэт за окном.

Он не думал об этом. Не вспоминал. Но сейчас, на набережной, окно всплыло само.

– Эй, господин авантюрист, мы так не договаривались. Сажай свой зад обратно на байк, и гони домой.

– Генератор неприятностей. Набей себе на лбу второй строкой. Официально.

Вдох – четыре. Задержка – четыре. Пауза – снова четыре…

Он достал телефон. Нашёл контакт.

«Еду за тобой. Будь готова через час».

Отправил. Отпил ещё вина. Сунул бутылку обратно в сумку. Завёл двигатель. Скрутил руль – Ducati лёг на бок легко, податливо. Поехал.

Глава 11. На краю

Сидя в полудрёме перед телевизором, Эрика вздрогнула от внезапного входящего сообщения. Сон слетел моментально. Она протёрла несколько раз глаза, чтобы убедиться, что не спит.

«Еду за тобой. Будь готова через час».

Подскочила с дивана, плед полетел куда-то в сторону. Она бросилась к платяному шкафу и в панике начала искать, что надеть. Пару секунд подумав, бросила это дело и побежала в ванную. Там она столкнулась с Алисой. Подруга за эти дни заметно отстранилась – Эрика стала невыносимо тяжёлой, молчаливой, отмахивалась и не отвечала на вопросы. Они не были близкими подругами. Алиса впустила её в свой дом, потому что была единственной, кого Эрика знала в Городе. Просто пожалела её. А теперь гостеприимство выходило боком.

– Куда ты собралась? Ночь уже.

Эрика раскидывала по туалетному столику баночки, флаконы, косметические карандаши.

– Я спешу. Он едет за мной.

– Кто едет? Опять этот твой босс? Ты спятила.

– Алиса, пожалуйста ... Если не помогаешь мне собраться, то просто не мешай, – Эрика нервно замазывала тёмные круги под глазами.

Отражение показывало всё ту же Эрику, но уже немного изменившуюся. В один день, не зная, чем занять себя, она решилась на эксперимент. Вначале высветлила несколько чёрных прядей у лица, затем – несколько хаотично по длине. Следом окрасила их в ярко-красный. Обычной краской для волос, в ванной. Результат ей понравился. Будто через чёрное нечто, давящее эти дни, проступило немного света.

– Он даже не предупредил тебя заранее. Кроме его интересов не существует, видимо, ничего в мире.

Эрика не ответила. Она могла сейчас ни спорить, ни доказывать. Сейчас нужно было просто привести себя в порядок. Остальное – потом.

– Ничем хорошим это не кончится, подруга. Знаем. Плавали. – Алиса хмуро подвела итог, и ушла, наконец.

Закончив в ванной, Эрика побежала снова к шкафу.

Надеть на такой случай было нечего, просить у Алисы она

не решилась. Светлая футболка, тёмные джинсы. Небольшие серёжки в уши. Эрика помчалась в коридор за курткой. На ходу застегнула ботинки. Уже выбегая на улицу, поняла, что забыла про духи. Те самые, тошнотворно сладкие. Да и чёрт с ними.

Во дворе весенний ночной воздух заполнил лёгкие. Эрика огляделась по сторонам – никого. Она вышла раньше назначенного времени, и этим себя успокаивала

Тишину взорвал рёв мотоцикла. Компактный, спортивный байк резко дал по тормозам у ворот. Чёрный, но в свете тусклых фонарей – фиолетовый, агрессивный на вид. Сердце рухнуло вниз.

Эрика узнала *его* даже в экипировке. Сегодня мистер Джей был совсем другой. До сих пор она видела его только в костюме. А здесь – кожа, байк. Не в своих стенах. Другой.

Поставив байк на подножку, он не снял шлем, только поднял визор. Он смотрел на её волосы. Ярко красные пряди обрамляли лицо, рассыпались по плечам беспорядочно, смешиваясь с чёрным.

– Ты похожа на аварийный сигнал.

Эрика замерла. Столько дней она ждала и одновременно боялась этой встречи, так бережно хранила всё на подкорке...

А теперь он приехал к ней. Нереальный, будто космический. И назвал её аварийным сигналом.

Неожиданно для себя Эрика расхохоталась. Громко, не прикрывая рта рукой, как делала обычно.

– Это комплимент? – Сквозь смех спросила она.

– Красный – это частота. Сигнал. Он либо предупреждает, либо зовёт. Я просто назвал функцию.

Он отстегнул пассажирский шлем, пристёгнутый к подножке. Простой, чёрный. На его шлеме Эрика успела рассмотреть рисунки – всё тот же хаос, резкие мазки. И небольшое искажённое лицо сбоку.

Эрика приняла шлем.

– Куда мы едем?

Она была бы не прочь прокатиться по городу, обнимая его сзади.

– Ты сейчас не задаёшь вопросы. Ты просто следуешь.

Эрика снова рассмеялась, на этот раз, беззвучно. Ей вдруг стало удивительно легко. Она каталась однажды, но то был спокойный, тяжеловесный круизер, где ты сидишь, будто в

мягком кресле, и город плывёт мимо…Здесь не было ни кресла, ни мягкости. Только стальная хищная линия.

Она вцепилась в его плечи, чувствуя, как под кожей перекатываются мышцы, а под ними – холодная сталь байка. Он переместил её руки себе на торс, заставляя прижаться крепче. И нажал на газ.

За стеклом визора пролетал Город. Огни, фары машин, дорожная полоса, редкие пешеходы – всё смешалось в летящий поток света. Эрике было хорошо, как никогда. Захотелось отпустить руки и расправить, чтоб ощутить полёт, запомнить навсегда... Вместо этого она только сильнее прижалась к нему.

Наконец, Эрика почувствовала, как он сбавляет скорость. Мотоцикл свернул к обочине в старом спальном районе. Серые панельные дома блоками, все похожи друг на друга. Неухоженный двор со старыми качелями. Запустение.

Джей снял с бака чёрную компактную сумку на быстросъёмном креплении. Забрал у Эрики шлем. Пристегнул на прежнее место, как и свой. Поставил фиолетового монстра на сигнализацию.

– Это было весело, – громко сказала Эрика, выдыхая. Липкая тоска окончательно её покинула.

Она не понимала, что он задумал. В висках стучал адреналин, хотелось смеяться на всю улицу. Джей приложил палец к губам, и жестом показал следовать за ним.

Джей обошёл здание с торца. Старая ржавая пожарная лестница тянулась от земли до крыши. Нижняя секция была поднята на полтора метра, как и положено. Джей подпёр её плечом, дотянулся до механизма, и секция с лязгом опустилась. Эрика вздрогнула от грохота, огляделась – тишина, ни души.

– За мной, – коротко бросил он и полез первым.

Металл скрипел и прогибался под весом. Эрика хваталась за холодные перекладины, подтягиваясь вверх. Ветер усиливался с каждым этажом. Она посмотрела вниз – двор с качелями, тусклые фонари, всё та же пустошь.

Джей перелез через парапет первым, протянул руку. Эрика ухватилась, и он выдернул её на крышу одним движением.

Она подошла к краю, посмотрела вниз и у неё перехватило дыхание.

Девятый этаж.

Под ногами расстилался ночной Город – тысячи жёлтых огоньков, низкие крыши, дороги – артерии. Сквозь дымку вдалеке золотился купол собора. Недосягаемый, далёкий, будто из другого мира.

В лицо дул свежий ветер, развевая чёрно-красное.

Эрика закрыла глаза. Она улыбалась.

Джей смотрел вверх. Где редкие звёзды сотнями лет наблюдали за Городом. Его не было – звёзды смотрели сверху вниз. Его не станет – звёзды продолжат смотреть. Город сменит огни, реки повернут русла, имена забудутся, а небо останется – равнодушное, чистое, безразличное ко всему, что внизу. Всё вокруг вечно – хотя бы в рамках человеческого разума. А он – нет.

Джей достал из сумки бутылку. Протянул ей.

– Ты бывал здесь ранее.

Не вопрос. Слишком точно был выбран вид. Он точно знал про лестницу. Знал, как она опускается. Знал, что именно на этом доме.

Он ничего не ответил. Он так и стоял, глядя перед собой. Чёрная экипировка с яркими нашивками. Перчатки. Тяжёлые ботинки. Наконец, он заговорил негромко, будто про-

должая разговор, который вёл сам с собой.

– Город светится тем же цветом, что и экраны. Жёлтый. Натриевый. Лампы, фонари, окна, телефоны. Всё один спектр. Заметила? Если смотреть сверху – не разберёшь, где окно, где экран. Город – экран. Большой экран с низким разрешением.

Порыв ветра гнал к неподвижному парапету.

– Под каждым пикселем провод. Ты стоишь и думаешь, что стоишь на крыше. А ты стоишь на концах проводов. Они уходят в стены, в землю. Я как-то считал. Не специально. На одном квадратном метре дороги – двенадцать кабелей. Если со слаботочными – двадцать три. Может, двадцать четыре. Я на двадцать третьем сбился, потому что подумал: а если один перегорит? Один из двадцати четырёх. Или два. Или десять. И тут понял – ничего не случится. Город не заметит. Он не считает потери. Он считает наличие.

Эрика молчала, стараясь уловить суть. Он продолжал.

– Знаешь, почему фонари жёлтые? Потому что натрий дешевле. Вся красота про деньги. Тебе кажется, что звезда красивая. Нет. Она дешёвая. Самая дешёвая лампочка в мире, которую не надо включать. Наверху – звёзды, внизу – натрий.

И те, и те – лампы. Одна бесплатная, а за другие платят.

Джей замолчал. Посмотрел вниз. Затем – наверх. На редкие, далёкие, равнодушные звёзды.

– Звезда светит, а сама – остывшая. Горячий труп, который врёт, что он живой. Потому что свету нужно время, чтобы дойти. Ты видишь не звезду – ты видишь её задержку. Она уже умерла, а тебе говорит «привет».

Снова молчание.

– Весь мир – задержка. Ты видишь то, что было. Свет был. Звук был. Даже мысль – сначала происходит, а потом ты её осознаёшь. Ты – тоже задержка. Все мы.

Эрика молча смотрела на него. Бутылка застыла на полпути ко рту. Она слышала каждое слово, понимала каждое. Но между словами были провалы, и она не успевала перешагнуть.

– Ты философ, – сказала она. – Но какой-то странный.

Он повернулся к ней. На лице – пустота. Ни улыбки, ни удивления. Как, если бы она сказала что-то очевидное.

– Я не философ. Я вижу, как есть. Просто вы не видите. А я вижу. Это не философия. Это оптика. Философ – тот, кто задаёт вопрос и доволен ответом. Я не спрашиваю «почему». Я фиксирую, как есть.

Эрика молчала. Отпила ещё вина. И вино сделало её чуть смелее. Рука потянулась к линии роста его волос, там, где было кривое «Fractus». Он поймал её руку, не дав дотронуться.

– Что означает это слово? – спросила Эрика. Запястье так и осталось в его руке.

– Это римский термин. – Джей слегка улыбнулся. – Так называли легионеров, которые пережили разгром, но не сдались. Их метили. Знак, что ты сломан, но всё ещё жив.

Эрика молчала. Его глаза, будто смеялись.

– Красивая история, правда?

– Так это выдумка?

– Красивая.

Эрика смотрела на него. Ждала продолжения. Его не было. Ни правда, ни выдумка. Он закрыл дверь, и ключ положил в карман.

Ветер. Город внизу. Вино – тёплое, травянистое. Она сде-

лала глоток. Потом ещё один. Пауза тянулась, и Эрика не пыталась её заполнить. Впервые за вечер не пыталась.

– У меня был шкаф, – сказала она вдруг.

Он повернул голову. Медленно.

– Я там пряталась. Когда родители были пьяные. Они почти всегда были пьяные.

Он теперь смотрел на неё, не отрываясь.

– Они тебя били?

– Не меня. Друг друга. Лучше бы меня. Я боялась, что выйду, а там кто -то уже… – голос дрогнул. Она сделала еще глоток вина.

– А ещё... Вокруг все умирали. Все, кого я любила. Кому было не всё равно. А родители всё ещё живы. Им и сейчас всё равно.

Эрика отошла от парапета и присела на бетонный выступ. Джей так и остался стоять. Она продолжала.

– Когда я была маленькая, мне некуда было бежать. Был только шкаф. И они – за дверцей.

Ни друзей. Ни родственников. А потом танцы....

– Ты сказала, шкаф. – Джей перебил её, прерывая обрывки воспоминаний. – Расскажи, какой он был.

Эрика взглянула на него, захлопала глазами

– Зачем?

– Он был твоей крепостью. Твоим убежищем. Он не мебель. Опиши его.

– Старый. Коричневый. Дверцы не закрывались до конца. Оттуда я смотрела.

– Что ты видела?

– Их. Ходили по комнате. Бросали вещи. Матерились. Спотыкались. Иногда падали. Я думала каждый раз, что всё...

Эрика отпила вино из бутылки. Её начинала бить дрожь.

– Кто умирал? Кто-то был ещё, кроме них. Расскажи.

– Соседка. Старая совсем, тётя Люба. Она меня жалела, иногда забирала к себе, угощала конфетами. Она тоже была одинокая. А потом она заболела. Рак. Я ходила к ней, варила ей суп. Мыла полы. Она так быстро ушла.

– Как ты узнала?

– Я открыла дверь её ключом. Она лежала на боку в кро-

вати. Такая... Жёлтая....

Эрика закрыла лицо руками. Первые слёзы рванули наружу.

Он стоял и смотрел на неё. Пальцы на руке шевелились, как у дирижёра. Молчал. Не трогал. Через минуту, может, две, она опустила руки. Лицо мокрое, глаза красные. Сделала вдох.

– У меня была собачка. Я нашла её на улице. Я брала её с собой в шкаф. Она тоже боялась. А потом... Её сбила машина во дворе. Когда мы гуляли вместе. У меня не было поводка.

Он подошёл и сел рядом на выступ.

– И ещё... Был мальчик. Такой красивый. Волосы белые. Родинки на лице. Мы встречались. Нам было пятнадцать. А потом он ... Сам.

– Ты его чувствовала после?

– В смысле?

– Не вспоминала. Чувствовала. Запах. Тепло. Что он рядом, когда его нет.

Эрика замолчала. Долго молчала. Потом:

– Да. До сих пор. Иногда. Как... как свет от звезды.
– Вот видишь, – сказал он. – Задержка.

Она подняла на него глаза.

– То, что ты говорил про звёзды?
– Нет. Я говорил про задержку. Звёзды ты сама увидела.
– Он тоже звезда?
– Он – нет. Он – лампочка. Которая перегорела. А ты всё ещё видишь свет.

Тихие слёзы шли потоком. Тишина, как в операционной, где хирург решает: резать дальше, или остановиться. Эрика сидела на бетоне, обхватив колени, и смотрела вниз, на город.

Джей молчал. Не обрабатывал. Пальцы, которые двигались всё время – замерли. Он смотрел туда же, куда и она – вниз, на фонари, на натрий, на двенадцать кабелей под каждым квадратным метром.

Ветер. Далёкий гул автострады. Где-то внизу завыла сирена, удаляясь.

– Ты не прячешься в шкафу, Эрика. Ты прячешь шкаф в себе. Все, кого ты теряла – твои провода. Они перегорели. А ты фиксируешь сигнал. Вот почему ты чувствуешь его. Вот

почему чувствуешь собаку. Вот, почему танцуешь. Ты – провод. Все погасли. Ты – несёшь.

Эрика подняла на него мокрое лицо.

– Это плохо?
– Это не хорошо и не плохо. Это факт.

Снова молчание. Слёзы высохли. Вино всё больше размягчало сознание.

– Мне кажется…я влюбилась.

Он повернул голову. Медленно. Так же, как когда она сказала про шкаф.

– В кого?

Эрика взглянула на него прямо. Во взгляде – сначала удивление, потом – укор.

Он удержал её взгляд несколько секунд.

– Нет, – сказал он. Спокойно, холодно.
– Что – нет?
– Я не тот, кого любят, Эрика. Я – погрешность. Тот са-

мый остаток от деления, которого нет в ответе, но он есть в столбике. Ты делишь себя на то, что чувствуешь, и получаешь целое – тепло, тишину. А я – то, что, что остаётся после. То, что не вошло. Я есть в процессе. Меня нет в результате.

Джей глубоко вдохнул. И продолжил.

– Любят людей. А я – то, что находит на людей рядом со мной. Эффект. Состояние, которое приходит, когда я рядом, и уходит, когда я ухожу. Я – то, что показывает тебе тебя. А потом – тишина.

Пальцы на руке дрогнули один раз и замерли.

Два силуэта на бетонном выступе сидели неподвижно. Свет от звезды, который шёл десятки лет, всё ещё шёл.

Эрика встала, не резко, не срываясь. Подошла к парапету. Положила руки на бетон. Смотрела вниз. Не чтобы прыгнуть. Чтобы почувствовать высоту. Чтобы что-то почувствовать.

Его рука легла ей на пояс. Не обняла – отодвинула, от края к себе. Она оказалась совсем близко.

Смотрела на его губы. Он смотрел мимо неё. Куда-то за её плечо. Туда, где город, кабели, фонари.

Он не поцеловал.
Эрика отвернулась первой.

– Пойдём, – сказал он.

Они спустились вниз. Снова лестница, ржавые ступени. Асфальт. Пустой двор. Он пошёл первым. Она следом. Молча. Пустая бутылка осталась на крыше.

Глава 12

Почти возле дома её ладонь дважды ударила его по спине. Знак – остановиться. Он свернул к обочине.

– В чём дело?

Эрика слезла. Сняла шлем.

– Я хочу прогуляться. Хочу ещё выпить. Мы можем купить где-нибудь?

Он припарковал байк. Не спросил, зачем. После того, что было на крыше, спрашивать не хотелось.

В круглосутке она пошла к полке с вином. Белое, но уже не то. Попроще, из того, что было. Она взяла бутылку без раздумий. Названия ни о чём ей не говорили.

– Можно я возьму что-нибудь сладкое?

Смущалась. Глаза в сторону. Джей посмотрел на неё.

– Магазин в твоём распоряжении.

Она взяла шоколад. С орешками, любимый с детства.

Они шагали. Джей не пил. Она пила из горла, прямо на ходу. Вино кислое, дешёвое, но ей было всё равно. Её шатало. Приходилось держать под руку. Она не сопротивлялась, наоборот, вжималась в его локоть, как в поручень автобуса.

Язык развязался. Она вспоминала песни, которые он не знал. Старые, дурацкие. Пела громко и фальшиво. Голос ломался на верхних нотах, а она не замечала. Тащила его за руку, пыталась втянуть в танец прямо на тротуаре. Он не танцевал. Она танцевала за двоих. Странная, нелепая прогулка.

Город пустой. Фонари. Кошка под машиной. Где-то далеко – музыка из окна.

И он поймал себя на том, что ему весело. Он смеялся вместе с ней. По – настоящему, искренне. Когда она забыла слова очередной песни и стала придумывать на ходу про кошку, про фонарь – он засмеялся. И она засмеялась вместе с ним. И они стояли посреди тротуара в четыре утра и ржали, как идиоты. Она больше не плакала. Всё, что она хранила годами в подсознании – родители, мальчик, соседка, собака, шкаф – осталось на той крыше. Здесь была другая Эрика. Пьяная, лёгкая, громкая. Откусывающая шоколадку из упаковки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.